

Моим терпеливым поклонникам — за то, что читают мой блог и говорят, что им хотелось бы видеть в идеальной книге, даже если это займет больше времени.

Моим толковым бета-читателям — за их бесценную помощь и терпение, с каким они относятся к моей параноидальной скрытности.

Моему замечательному агенту — за то, что отгоняет от моих дверей разных волков.

Моему мудрому редактору — за то, что мне дали время и возможность написать книгу, которой можно гордиться.

Моим любящим родным — за то, что поддерживают меня и не устают напоминать, что время от времени стоит все же выходить из дома.

Моей понимающей подруге — за то, что не бросает меня, когда я становлюсь жутким и невыносимым от бесконечной вычитки.

И моему милому малышу — за то, что любит своего папочку, несмотря на то что мне все время приходится бросать его и садиться работать — даже когда нам так здорово вместе, даже когда мы разговариваем об уточках.

Пролог

Молчание в трех частях

Близился рассвет. Трактир «Путеводный камень» погрузился в молчание, и молчание это состояло из трех частей.

На поверхности лежала гулкая тишина, возникшая от того, чего там не доставало. Будь сегодня гроза, капли дождя стучали бы по крыше и шелестели в лозах селаса за трактиром. Урчал и грохотал бы гром, и гром прогнал бы молчание по дороге, точно опавшие осенние листья. Если бы в трактире ночевали путники, они бы сейчас ворочались и потягивались у себя в комнатах, разгоняя тишину, как тускнеющие, полузабытые сны. Играй здесь музыка... но нет, конечно, музыки не было. На самом деле ничего этого не было и молчание никуда не девалось.

В трактире черноволосый мужчина мягко прикрыл за собой заднюю дверь. В кромешной темноте он пробрался через кухню, через зал, спустился по лестнице в подвал. Наученный долгим опытом, он непринужденно переступал расшатавшиеся доски, которые могли бы скрипнуть или застонать под его весом. Его осторожные шаги отдавались в тишине лишь чуть слышным «Топ. Топ. Топ...». Этим он добавлял к царящему в трактире молчанию, большому и гулкому, свое, маленькое и путливое. Получался своего рода сплав, контрапункт.

Третье молчание заметить было не так просто. Но если вслушиваться достаточно долго, его можно было ощутить в холоде оконного стекла и в гладких оштукатуренных сте-

нах комнаты трактирщика. Молчание таилось в черном сундуке, стоящем в ногах узкой и жесткой кровати. Оно пряталось в руках человека, который неподвижно лежал на кровати, глядя в окно на первый бледный проблеск наступающей зари.

Человек был ярко-рыжий, рыжий как огонь. Глаза у него были темные и отстраненные, и лежал он с безропотным видом того, кто давно утратил всякую надежду заснуть.

«Путеводный камень» принадлежал ему и третье молчание — тоже. Неудивительно, что молчание это было самым большим из трех: оно окутывало два первых, поглощало их — бездонное и безбрежное, словно конец осени, тяжелое, как окатанный рекой валун. То была терпеливая покорность срезанного цветка — молчание человека, ожидающего смерти.

Глава 1

Яблоко и бузина

Баст стоял, облокотившись на длинную стойку красного дерева. Ему было скучно. Окинув взглядом пустой зал, он вздохнул, порылся, нашел чистую белую тряпочку. И со скорбным видом принялся протирать стойку.

Через некоторое время Баст подался вперед и прищурился, вглядываясь в какое-то незаметное пятнышко. Он поскреб его ногтем и нахмурился: палец оставил на стойке маслянистое пятно. Баст наклонился, дыхнул на полированную поверхность и протер ее. Потом задумался, старательно подышал на дерево и написал на получившемся пятне бранное слово.

Баст отшвырнул тряпку и прошел между пустых столов и стульев к широким окнам. И надолго застыл у окна, глядя на немощеную дорогу, разрезающую городок пополам.

Потом вздохнул и принялся расхаживать по комнате. Двигался он с небрежной грацией танцора и великолепной непринужденностью кота. Однако, когда он запускал пальцы в свои черные волосы, жест выдавал тревогу. Голубые глаза непрестанно шарили по комнате, будто искали выход. Будто искали здесь что-то, чего они не видели сотню раз до того.

Но нет, ничего нового тут не было. Пустые столы и стулья. Пустые табуреты у стойки. На прилавке за стойкой две огромные бочки: одна — для виски, другая — для пива. Между бочками — целая батарея бутылок всех цветов и форм. А над бутылками висел меч.

Взгляд Баста упал на бутылки. Он пристально, задумчиво осмотрел их, потом зашел за стойку и достал тяжелую глиняную кружку.

Баст глубоко вздохнул, указал пальцем на первую бутылку в нижнем ряду и заговорил нараспев, отсчитывая бутылки:

Клен, калитка,
Тишина,
Пламя, пепел,
Бузина!

Считалочка закончилась на приземистой зеленой бутылке. Баст выкрутил пробку, неспешно пригубил бутылку и скривился. Его передернуло. Он поспешно поставил бутылку на место и взял вместо нее другую, красную и пузатую. Пригубил ее, задумчиво вытер влажные губы, кивнул и щедро плеснул себе в кружку.

Потом указал на следующую бутылку и снова принялся считать:

Прялка, прядь,
Луна в ночи,
Ивы, окна,
Свет свечи.

На этот раз ему выпала прозрачная бутылка с бледно-желтой жидкостью внутри. Баст выдернул пробку и щедро плеснул в кружку, не потрудившись попробовать. Отставив бутылку в сторону, он взял кружку и принялся яростно ее трясти. Потом отхлебнул. Расплылся в улыбке, ткнул пальцем в следующую бутылку, отчего она тоненько звякнула, и опять завел свою считалочку:

Путник, пиво,
Камень, кладь,
Ветер, воды...

Тут скрипнула половая доска, Баст вскинул голову и широко улыбнулся.

— С добрым утром, Реши!

Рыжеволосый трактирщик стоял у лестницы. Он отряхнул длиннопалыми руками чистый фартук и рукава рубашки.

— Что, гость еще не встал?

Баст мотнул головой:

— Не шуршит, не шевелится!

— Ну, ему нелегко пришлось за последние два дня, — сказал

Коут. — Должно быть, оно его догнало...

Он осекся, задрал голову, принюхался.

— Ты что, пил, что ли?

Вопрос был задан скорее с любопытством, чем в порядке обвинения.

— Да нет, — ответил Баст.

Трактирщик приподнял бровь.

— Я дегустировал, — пояснил Баст, сделав ударение на последнем слове. — Надо же сначала продегустировать, а потом уже пить.

— Ага, — сказал трактирщик. — Собирался пить, стало быть.

— Ну да, клянусь малыми богами, — ответил Баст. — Я собирался напиться. А что тут еще делать-то?

Баст достал кружку из-под стойки и заглянул в нее.

— Я рассчитывал на бузину, а мне досталась какая-то дыня...

Он задумчиво поболтал кружку.

— И что-то пряное.

Он отхлебнул еще и задумчиво сощурился.

— Корица? — спросил он, окинув взглядом ряды бутылок. — А что, бузины у нас совсем не осталось?

— Где-то должна была быть, — ответил трактирщик, не потрудившись взглянуть на бутылки. — погоди минутку, Баст. Послушай меня. Нам нужно поговорить о том, что ты сделал вчера вечером.

Баст застыл.

— А что я сделал, Реши?

— Остановил ту тварь из Маэля, — сказал Коут.

— А-а! — Баст вздохнул с облегчением и небрежно махнул рукой. — Я ее просто задержал, Реши. Только и всего.

Коут покачал головой:

— Ты понял, что это не просто безумец. Ты пытался нас предупредить. И если бы не твое проворство...

Баст нахмурился.

— Да какое там проворство, Реши? Шепа-то она прикончила!

Он посмотрел на свежевыскобленные доски у стойки.

— А Шеп мне нравился.

— Все остальные будут думать, что нас спас ученик кузнеца, — сказал Коут. — И, пожалуй, оно и к лучшему. Но я знаю, как было дело. Если бы не ты, тварь перебила бы тут всех.

— Ой, Реши, ну, это неправда, — сказал Баст. — Ты бы ее прикончил, как цыпленка. Я просто успел первым.

Трактирщик только рукой махнул.

— Я всю ночь лежал и думал, — сказал он. — Думал о том, что можно сделать, чтобы тут стало поспокойнее. Ты когда-нибудь слышал «Охоту Белых Всадников»?

Баст усмехнулся.

— Реши, эта песня была нашей прежде, чем стала вашей!

Он набрал в грудь воздуха и пропел нежным тенором:

Одежда грозных всадников, как кони их, бела,
И светлый лук у каждого привешен у седла,
Мечи блестят в руках у них, из серебра клинки,
Зеленые и красные на головах венки.

Трактирщик кивнул:

— Те самые строки, о которых я и думал. Сумеешь управиться с этим, пока я тут все приготовлю?

Баст с энтузиазмом закивал и буквально рванулся прочь, но замер в дверях кухни.

— А вы без меня не начнете? — с тревогой осведомился он.

— Мы начнем сразу, как только наш гость позавтракает и будет готов, — ответил Коут и, увидев, как изменилось лицо его ученика, немного смягчился. — В общем и целом, думаю, пара часов у тебя в запасе есть.

Баст посмотрел в дверной проем, потом снова обернулся.

Трактирщик чуть заметно усмехнулся.

— И я позову тебя прежде, чем мы начнем.

Он помахал рукой:

— Ступай, ступай!

* * *

Человек, называвший себя Коутом, взялся за обычные утренние дела. Он двигался как заведенный, точно телега, катящаяся по наезженной колесе.

Сначала хлеб. Он на глазок отсыпал муку, сахар, соль, не трудясь отмерять. Плеснул закваски из горшка, стоящего в кладовке, замесил тесто и оставил его подходить. Выгреб золу из кухонной печи и разжег огонь.

Потом перешел в общий зал и разложил дрова в черном каменном камине, вытянувшемся вдоль северной стены, выгребя предварительно золу. Накачал воды, помыл руки, вытащил из погреба кусок баранины. Наколочил свежей растопки, натаскал дров, осадил поднимающееся тесто, подвинул квашню поближе к разогревшейся печке.

И вдруг оказалось, что делать больше нечего. Все было готово. Все было чисто и расставлено по местам. Рыжеволосый человек стоял за стойкой, и его взгляд, устремленный куда-то вдаль, медленно возвращался обратно, фокусируясь на том, что было здесь и сейчас, на обстановке в трактире.

Взгляд человека упал на меч, что висел на стене над бутылками. Меч был не особенно красив, не украшен насечками и узорами и вообще не бросался в глаза. Можно сказать, что он выглядел угрожающе. Как высокий обрыв. Серый клинок без изъянов, холодный на ощупь. И острый, как осколок стекла. На черном дереве доски, где он висел, было вырезано одно-единственное слово: «Глупость».

Трактирщик услышал тяжелые шаги на деревянном крыльце. Загремел засов, снаружи гаркнули: «Эгей!» — и забарабанили в дверь.

— Минуточку! — отозвался Коут. Он торопливо подбежал к двери и повернул массивный ключ в блестящем латунном замке.

На крыльце стоял Грэм. Он уже занес тяжелую руку, чтобы постучать еще раз. Когда он увидел трактирщика, его обветренное лицо расплылось в улыбке.

— А Баст что, удрал нынче утром? — спросил он.

Коут снисходительно усмехнулся.

— Славный парнишка, — сказал Грэм, — только безалаберный малость. А я уж было подумал, что ты на сегодня закрыл лавочку.

Он кашлянул и опустил глаза.

— Я бы и не удивился...

Коут сунул ключ в карман.

— Да нет, открыто, все как обычно. Чем могу служить?

Грэм перешагнул порог и кивнул на улицу, где стояла тележка с тремя кадками. Кадки были новехонькие, из бледного, свежееоструганного дерева, с блестящими металлическими ободьями.

— Нынче ночью я понял, что мне не уснуть, вот и собрал последнюю кадку из тех, что ты заказывал. А еще я слышал, что Бентоны собираются нынче подвезти первые зимние яблоки.

— Спасибо, что подсказал.

— Яблочки славные, крепенькие, всю зиму пролежат!

Грэм подошел к кадке и гордо постучал по стенке.

— Чем еще перебить голод, как не зимним яблочком?

Он лукаво взглянул на трактирщика и еще раз постучал по кадке.

— Перебить, а? Как ты думаешь?

Коут негромко охнул и потер лицо.

Грэм хихикнул себе под нос и провел рукой по блестящим металлическим обручам.

— Никогда еще не делал обручи латунные, а надо же, так хорошо вышло! Ты мне скажи, если они вдруг рассядутся. Я поправлю.

— Я рад, что это не причинило особых хлопот, — сказал трактирщик. — А то в погребе-то сыро. Боюсь, как бы железо не проржавело через пару лет.

Грэм кивнул.

— Ну да, умно придумано, — сказал он. — Просто мало кто удосуживается загадывать так далеко вперед.

Он потер руки.

— Ты мне не подсобишь? Не хотелось бы уронить кадку и испортить тебе полы.

Они взялись за кадки. Две из них отправились в погреб, третью утащили за стойку в кухню и водрузили в кладовке.

Потом оба вернулись в общий зал, каждый по свою сторону стойки. Ненадолго воцарилась тишина. Грэм окинул взглядом пустой зал. У стойки стояло меньше табуретов, чем обычно, и на месте одного из столов зияло пустое пространство. В тщательно обустроенном трактире все это бросалось в глаза как выбитые зубы.

Грэм отвернулся от выскобленного пятна на полу возле стойки, сунул руку в карман и достал пару тусклых железных шимов. Рука у него почти не дрогнула.

— Налей-ка мне пива, Коут, — хрипло сказал он. — Я понимаю, что рановато, но день впереди длинный. Я нынче Марионам помогаю пшеницу возить.

Трактирщик налил пива и молча протянул ему кружку. Грэм отхлебнул единым духом сразу полкружки. Глаза у него были красные.

— Да, скверно дело обернулось, — сказал он, не глядя в лицо, и отхлебнул еще.

Коут кивнул. «Скверно дело обернулось». Возможно, это и все, что скажет Грэм по поводу гибели человека, с которым он был знаком всю свою жизнь. Здешний народ знал о смерти все. Они сами резали скот. Они мерли от лихорадки, от падений, от загноившихся переломов. Смерть была все равно что неприятный сосед. Лучше не болтать о ней лишний раз, а не то, того гляди, услышит да и зайвится в гости.

О смерти говорилось только в историях. Легенды об отравленных королях, о поединках, о древних войнах — это ничего, это было можно. Они рядили смерть в чужеземное платье и отсылали ее подальше от дверей родного дома. Загоревшаяся сажа в трубе, крупозный кашель — это было ужасно. Но суд над герцогом Гибейским или осада Энфаста — это дело другое. Эти истории были как молитвы, как заклинания-обереги, которые бормочет себе под нос припозднившийся прохожий. Как грошковые амулеты, которые люди покупают у коробейника, просто на всякий случай.

— А долго он тут еще пробудет, этот писарь? — тихо спросил Грэм, говоря в кружку. — А то мало ли, вдруг я надумаю чего записать...

Он слегка нахмурился.